

НИЗАМИ КАСЫДЫ

***

Если намерен разумным быть, уз не ищи ни в чём.
Разве не ведаешь: каждый царь бьёт пред творцом челом.
Коль обретаешься ты в раю, не пребывай там век.
Знай: отказаться от райских благ должен ты, человек.
В мире Иса всё искал добра. В нём не сыскав добра,
В небо вознёсся, чело земли в горе пятой поправ.
Ты, что ютишься в углу жилья, видимый там едва, –
Ткущий паук ты, достигнешь ты тонкого мастерства.
Пыль на земле всех путей вздымай ныне, как и вчера...

..... *Прим. ред.: строка утрачена*

Тень лишь тогда, когда с ней дружна светлых лучей игра,
Сможет скитаться по всей земле с вечера до утра.
Хоть вверх ногами иди, чтоб даль вечно была нова.
Лишь как в движенье придёт перо – дух наш пленят слова.
Коль ты разумен, беги сынов этих печальных дней,
Прежде чем тело твоё чужим станет душе твоей.
Люди, что гули – сродни они – что ж ты бредёшь меж них?
С гулями в дружбу кто б мог вступить в этих долинах злых?
Небо – алхимик, коварный шут, нашим очам сулит...

..... *Прим. ред.: строка утрачена*

Что б тут настало? Какой удел был бы всем людям дан,
Если б, алхимиком созданный, не исчезал обман?
Верности в мире искать к чему? Где у людей она?
Нету людского в людских сердцах, верность упразднена.
Нету народа, и мчится прочь вера, как в вихре пург.
Лишь имена их слышны. Сыщи, где он живёт – Симург?
Тысячу раз тут готов почёт, пасть все готовы в прах,
Если пред ними из церкви гебр иль армянин-монах.
Есть фараон тут, его льстецы – будто бы клубья змей.
Посохом чудным их кто смирит? Где же тут Моисей?
Все позабыто, лишь, хлеб ища, изредка лишь, едва,
Нищий вползает, челом склонясь, бога в свои слова.
Кто бы послал им желтух тоски! Небо, их жги скорей,
Зёрна граната от них укрыв адом своих огней.
Шейх уловляет людей в силки – сети со всех сторон, –
Сам, наподобье охотника, кельей прикрылся он.
Те покрывают бока коней пышным узором лат,
Чьи от циновок дырявых след спины ещё хранят.

В зарослях неба, где звёздный сад путано тропы вьёт,
Меридиана скупая ветвь лишь пустоцвет даёт.
Если б свой взор он простёр вперёд к будущим племенам,
Нет, не женился бы он вовек, бедный чудак Адам.
В лунном сверкании алчности, словно в проказе, люд.
Плюнь и на близких, когда они этот порок несут,
К алчного яствам протягивать руку нужды – не смей,
Хоть, голодая, взалкал бы ты сердце своё, как снедь!
Пусть же конец будет горестный этому сброду дан!
Пусть будет проклят, как с тьмы времён проклятым стал шайтан!
Да, уж не зёрна сыновних слез праху вбираться дано:
Сеет над отчей могилой сын лишь клеветы зерно.
Ведь вся земля в нечистотах – взглянь, так не дивись, что, вот,
Полы одежд своих поднял ввысь в ужасе небосвод.
Всё в небреженье пришло вокруг – встретили б это встарь? –
Даже солому к себе тянуть днесь бы не смог янтарь.
Скупость бушует. Когда бы ты задал горе вопрос,
Ждал бы напрасно, чтоб отзвук скал слово тебе принёс.
Людям завидуем ныне мы, жившим до нас давно.
Страх, – коль нам зависть грядущим дням будет внушать дано.
Вот, это люди моей земли! Ты ж, небосвод, – скупец.
К пиршеству ты пригласил бы нас, счастья б нам дал венец!
Здесь на ристалище гнёта, мглы, – словно разумным в месть, –
Взвившая смуты, горбатая, старица злая есть.
Тот, кто гнетет, пресекает век многих людей – взглядишь, –
Ею обласкан, молитвенно ею приподнят ввысь.
Тем, кто пред нищим засохший хлеб в жадный зажал кулак,
Золота слитки суёт она, прячет она в кушак.
«Эй, ты, к помойке, во двор иди, мне не являй лица», –
Молви спешащему к трапезе всякого подлеца.
Всякий подарок от алчного в глотке застрять готов.
Дай же ты скряге затрещину, не получай пинков.
Вот потому-то удел свечи – пламень, – он гложет, жжёт, –
Что с попрошайкой сходна она, с той, что подачек ждёт.

..... *Прим. ред.: строка утрачена*

Нашей земле от подошв их жён срама не превозмочь.
Много ль в этом беды? Они в воздухе день и ночь.
Здесь, на земле, – старой пажити – люди полны алчбы.
Бродит их ум: словно мельницы – глоток они рабы.
Влил бы раствор послабляющий в мира желудок я,
Слил бы все соки негодные в яму небытия!
Мир полон мусора. Смертный час, кинь же на землю взор!
Смерти метлою одною лишь выкинуть этот сор.
Сад наш зарос. В запустенье он. Миру назначен срок.
Гнева пилой ты владеешь ли, иль не владеешь, рок?
Будто бы зубы излишние в пасти времён глупцы.
О небосвод, ущемления дай же скорей щипцы!
Если бы мать человечества стала бесплодной, вмиг
Мир наш, от сброда избавленный, чистым опять возник.

Небо, ты долго ль, по каплям лишь облака злой судьбы,
Будешь смывать вождедения с чёрной доски алчбы?
Пояс из золота даришь ты – ты, небосвод, неправ –
Тем, кто вчера препоясан был связкой засохших трав.
Всяких ослов, морды сунувших в стойло последних дней,
Свисшим Исы одеянием хочешь прикрыть скорей.
Видим: осёл тут кичащийся зад свой одел в атлас,
Мудрый же свой неприкрытый зад прячет в углу от глаз.
Губишь свечу, что сияет нам ярче других свечей.
Глазу, который бы выколоть, блеск придаёшь лучей.
Сердце ль свой дом хочет выстроить, ввысь свои думы мча, –
Известью рока не скрепим мы даже два кирпича.
Горе! Жемчужины кинули мыслей моих ларец.
Гнётом твоим обескровленный разум устал вконец.
Мозг мой в порочных мечтаниях, мысли уже не парят.
В ряд винопойцев вступаю я да в словоблудов ряд!

Перевод Константина Липскерова

***

Увы, на этой лужайке, где согнут старостью я,
Какую еще отраду сорву с ветвей бытия!
У пальмы нет больше тени, ее опали плоды,
Плоды и листья той пальмы сломила буря беды.
Кривой небосвод, вращаясь, спешит мне выдолбить гроб,
И мне камфару пророчит снегами тронутый лоб.
Мой мускус в белом мешочке родился, хоть черен он.
Теперь же мускусом черным – мешочек белый рожден.
Две нити чистых жемчужин таил мой рот молодой,
Но небо, нити порвавши, рассыпало жемчуг мой.
Мои жемчуга, как звезды, рассыпались из ларца,
Когда восток заалевший сверкнул мне звездой конца.
Мой день окончен. Прощаюсь с развалиной этой я,
Лечу, как сова, в жилые пространства небытия.
Мой стан согнулся и клонит к земле вершину мою, –
Затем, что, тяжек плодами, в саду смиренья стою.
Я надвое перегнулся, чтобы не обагрить одежду, –
Затем, что сердце кроваво и кровь упадет с вежд.
На лоб седые сугробы ложатся все тяжелей:
Страшусь, не рухнула б кровля непрочной жизни моей.
С горы, окованной снегом, вода свергается в дол –
Вот так и я, омраченный, слезами весь изошел.
Истаял весь я. На землю, как тень, я упасть готов –
И я, упав, не оставляю, как тень, на земле следов.
Никто меня и не помнит, – затем что нет больше сил
Добраться до сердца милых и тех, кто меня любил.
Мой стан изогнулся луком, как будто сердцу грозит
Стрела последнего часа – и я укрылся за щит.
Увы! К зениту блаженства меня напрасно б влекло,
Коль в низшей точке надира сломилось мое крыло!

В саду Вселенной нагими мои деревья стоят:
Плоды надежд с них сорвали каменья, буря и град.
Растенье, плод свой осыпав, челом вздымается ввысь,
Но пальма моя согнулась, когда плоды сорвались.
Моя голова мгновенно, втянувшись, скрылась меж плеч –
Затем, что страшен ей смерти мгновенно сверкнувший меч.
Глаза мои ослабели. Страшусь друзей помянуть:
Лица умыл я слезами, собираясь в последний путь.
Страдаю в убежище скорби – затем что нет больше сил
Ступить на порог высокий дворца, где я прежде жил.
Моя последняя буква в последнем слове моем...

.....

Давно уж белое с черным сливает усталый взгляд –
Пусть даже солнце с луною перед ним, как свечи, горят.
Жизнь прожил – что ж совершил я? Одни грехи за спиной.
Затем-то я и согнулся, страшась расплаты людской.
Коль сердце мое в тревоге, коль дрожь в руках у меня, –
На пире веселом века как выпью чашу огня?
Смерть гостьей в дом мой явилась. Как гостью привечу я,
Коль слаще всех угощений ей жалкая жизнь моя?
Благая трапеза жизни для неба души горька:
Ведь ядом тронута сладость шербета и молока.
Жизнь вышла со мной проститься – на расстань этого дня.
Мой стан согнулся, в объятьях она сжимает меня.
Так весь я немощи полон, что трудно страх побороть:
Вот-вот рассыплется прахом моя отжившая плоть.
В пути своем спотыкаюсь, как перст ведущего счет.
Ты чудом считай, что помню, какой проживаю год.
Что воздух мне цветниковый! Что реки с чистой водой!
Исы я не жду дыханья и Хызра влаги живой.
Как туча, слезы точку я из глаз печали моей:
От них, как молния, скрылось виденье минувших дней.
Богатство юности щедрой я выронил на пути:
Теперь, сгибаясь напрасно, я силюсь его найти.
Подобна жизнь моя тени, и ей потребна стена,
Чтоб вновь, опору обретши, из праха встала она.
Взманив меня, как ребенка, на цвет, и запах, и звук, –
Душой лукавило небо, чтоб вырвать юность из рук.
Из царства радости светлой звучит к веселью призыв –
Меня ж усыпила седость, мне уши ватой забив.
Плеться за хлебом насущным, таких я полон скорбей,
Что мудрый скажет, увидев: несет зерно муравей.
Чтоб жизнь мою обесценить, ударом камня невзгод
Разбил меня беспощадно чеканщик злой – небосвод.
Мои достоинства скрылись от глаз придирчиво злых:
Теперь любые пороки – святей достоинств моих.
Высоким светом познания мечты мои зажжены –
Затем и стан мой согнулся, как дымный круг у луны,
В узлах и петлях без счета запуталась жизнь моя,
И что распутать сумею, доселе не знаю я.

Чтоб сгинул ствол моей пальмы, что ветвь над веком простер,
Согнувшись, небо вонзает мне в ногу острый топор.
И образа я не знаю, и я содержимым пуст,
Ушли они без возврата из сердца, очей и уст.
Столь грешен я, что страдальцам, кипящим в грешном аду,
Грехами буду я страшен, когда в то пламя сойду.
В саду мятежного духа стою согбенным ростком:
Я прежде высушен веком – в аду я вспыхну потом.
Одно лишь слово ошибки – вот всё, что вещей рукой
Судьба вписала заране в житейский перечень мой.
Пускай слезой покаянья то слово сотру навек –
Что нужды! Может ли спорить с судьбой своей человек?
В бесплодной тяжбе с судьбою – судьба всеильна, а я –
Всего ничтожней, что в силах душа измыслить моя.
Я жизнь в грехах уничтожил, и если буду убит –
Судья фетвой наказанья за кровь мою не отмстит.
И если выбросит искру костер страдальческий мой –
Вскипят моря небосвода от жара искры одной!

Перевод Александра Кочеткова

***

Слышишь, звякнул бубенцами в путь готовый караван,
Кочевать тебе отныне по дорогам горних стран.
Бубенцы – твои стенанья, боль – вожатый непреклонный.
Что ж, терпи и обживайся в круге слова «караван».
Ты пока – кольцо дверное, стонущее под руками,
Бубенцом стенать почетней, не страшись, иди в туман.
В бубенце печаль трепещет – оттого он и стенает,
А стенать кольцу дверному пустотою повод дан.
Мы легко простим бубенчик – стонет он от боли в сердце,
Но кольцо простим охотней: сердца нет – велик изъян.
На четыре буквы мира положи четыре пальца.
Где он, мир? И блага мира мельче маковых семян.
Мир сотрет тебя, но прежде ты сотри его писанья.
Соскреби весь текст паршивца, упредив его обман.
Сердце отвяжи от мира, не желай его сокровищ:
Перегруженную лодку легче топит океан.
Мишуру, отличья знаки, словно пыль, стряхни с одежды,
Глупо принимать игрушку за счастливый талисман.
Ты земным садам цветущим предпочти сады ислама:
Слаще розы – вздох Юсуфа, мак бледней безвинных ран.
Усмиряя в теле страсти, ты в душе умножишь веру:
Ладан, давший меньше пепла, более благоухай.
Знанье – вот наш повелитель, но соседствует с ним алчность
Жив Рустам, но ратью дивов полонен Мазендеран.
Влаги мудрости взыскаю, отыщи родник. При этом,
Не считай чужих пороков, не гляди в чужой карман.
И земля не беспорочна; вздыбься, род людской изводит,
И сближенье звезд пророчит смертоносный ураган.

Если мир заколебался, зри спасенье в колыбели:
Не корабль спасает в бурю, но спасительный Коран.
Отпори с одежд узоры, коль они – не вязь аятов,
Если верой не расшит он – кинь за двери дастархан.
Путь проделав в паланкине истин, молвленных аллахом,
Поспеси под сень речений, коих свод пророком дан.
Шариат твоим слугою пребывает бескорыстно,
Ты ему служи без платы, рвением сердца обуян.
Бди в круговращенье жизни, вежд бессонных не смыкая,
Спящего скорей уносит близкой гибели буран.
На корабль попав случайно, возвышайся и не падай!
Парус, падать не умея, светом солнца осиян.
В человеческом обличье двуедин ты по натуре,
Лишь с годами прояснится, ангел ты или шайтан.
Люди сущностью различны, так из разного металла
Выкованы жала копий или дужки для стремян.
Темнокожие индусы схожи лицами, однако
Этот вор, а этот стражник, тот смиренец, тот смутьян.
Персть земная – ветхий коврик под светильником злосчастливым,
Сколько ж бить его ногами? Не для этого он ткан.
Облачившись в голубое, ты возвысишься, как небо,
Но осенним прахом станешь, расцветаясь, как аргаван.
Мускус цельный, непочатый, пребывает в грубой шкуре,
А рассеянный – закутан в шелк, парчу или саьян.
В пыльных латаных одеждах по дорогам бродит святость,
У старухи скрыт под пеплом нехладеющий таган.
Над ханакой поднебесья голубой сверкает купол,
Злак, что пищей станет, зелен, жито желто, плод багрян
Беготня козла не кормит – есть такая поговорка,
Горы золота скопивший – все равно не великан.
Золото дано, чтоб тратить, не пленяйся желтизною,
А не то признать придется: ярче золота шафран.
Толку в роскоши немного, золото дари и жертвуй,
Будешь сам сиять нетленно, словно золотой кумган.
Сделай красящей сурью пыль с дороги шарията,
Торопись, пока в глазницах смертный не залег туман.
Чтоб не стать рабом ничтожным, под уздцы ведущим лошадь
Шею сунь в ярмо халифа, сердце пусть клеймит султан.
Почему вкусна так шея у вола и полны ляжки?
Знай, клеймо, ярмо для мяса, как душистый майоран.
Не зрачки ты прячешь в веках – пару аспидных жемчужин
Аббасидам и сельджукам этот цвет для стягов дан.
Если белый цвет исчезнет, не жалея его нисколько,
Захлестнет все страны света цвета черного аркан.
Черный цвет победно мчится в белый день из черной ночи,
Черный негр смеется чаще белолицых христиан.
Что султан? Земной владыка, он у неба – в полном рабстве,
Сделайся рабом аллаха, стань таким же, как султан.
Если же ты сам владыка, то лелей рабов послушных,
Чтобы и тебя лелеял тот, кто носит высший сан.
Справедливый я могиле озарен сияньем солнца,
В Судный день прохладной тенью осенит его платан.

Непосильна справедливость, обуздай хотя б насилие,
Помни: тот, над кем ты властен, – человек, а не баран.
Судный день на дне колодца всех насильников застанет,
Как Харут с Марутом, будет каждый скорбью обуян.
Не лишай подвластных хлеба, не лишай воды поля их.
Чтобы ангелам на радость дань тебе платил шайтан.
От глотка Хусейн бы ожил, а кусок сгубил Адама,
Стань оплотом воздержанья, словно месяц рамазан.
Не гляди в родник соседа, будь он хоть источник Хызра,
И на хлеб чужой не зарься, пусть душист он и румян.
Станешь львом в делах и мыслях, укрепишь трудами рука.
Прибегут к тебе в пустыне барс и трепетный джейран.
Вспоминай былую слабость, уязвимость брэнной плоти
Ты, эмир, рабом побывший, врач, познавший жженье ран.
Накопившиеся слезы пусть легко на грудь прольются,
Так жемчужною рососою украшается тюльпан.
Подними веков завесу, посмотри, людьми какими
Время весело играет в нескончаемый човган.
Ездигерд венцом гордился, а венец его – репейный,
Вывалян в пыли и соре царственный Ануширван.
Да и ты, как ни храбришься, все равно свой щит отбросишь:
Хрупок панцирь черепахи, рыбу тоже ждет казан.
Как отраднo в люльке мира чувствовать себя младенцем.
Только время – нянька злая, да и ты не мальчуган.
У седого лицемера щедрость и беспечность ложны:
С камфарой змея в соседстве, что ж искать иных охран?
Время, как лукавый лучник, птицу шариком сбивает.
Оттого дрожу я в страхе, глядя на его колчан.
Если б время было зрячим, я б собой его утешил,
Но красив слуга напрасно, коль слепым рожден тиран.
Вот уж неуча проказа пусть лишит ногтей и зренья,
Косточки размером с ноготь он не выскулит, болван.
Кознями в Гяндже казнимый, словно казнокрад презренный,
В Йемене свой суд творю я, и послушен мне Хотан.
Здесь земля ко мне сурова, как безводная пустыня,
Я омыт своей слезою и своей слюною пьян.
Серебро – ничто, покуда не расстанется с рудою,
В мастерской рубин не ценен, даже если чист огран.
Низами, тебе – за тридцать, исполняй, что сам наметил.
Уплати по счету прежде, чем закроется духан.
«Скоро...» – ты твердишь Каабе. Это «скоро» – бесконечно
Так блюда же тут, на месте, долг священный мусульман.

Перевод Майи Борисовой

***

Я долго шел по лугу лет, и сгорбилась моя спина.
От долговечности теперь какая доля мне дана?
Не в силах людям подарить я ни прохлады, ни плодов:
Плоды сбил бедствий ураган, листва дождями сметена.

Мой стан – подобье кетменя, им лишь могилу и копать.
И разве не на камфару мне намекает седина?
Свой черный мускус кабарга под белым волосом хранит.
Из мускуса моих волос – вот чудо! – лезет белизна.
Жемчужин светлых два ряда во рту я некогда носил.
Но вероломны небеса: шкатулка опустошена.
Исчезли перлы, потускнев, – а ведь блестили ярче звезд!
Звезда моя, едва взойдя, была нуждой омрачена.
Закат уж близок. Я хочу сам, как сова, лететь туда,
Где вместо праха и руин блаженной вечности страна.
Здесь я согбен, как черный сук засохшего карагача,
У добродетели в саду, как пальма, стать моя стройна.
Согнулся вдвое я затем, чтобы одежд не запятнать:
Кровоточит моя душа, вот и слеза обагрена.
Возлег на голову моих седых волос тяжелый снег,
Не проломил бы кровлю он, давя с рассвета дотемна.
Снег, увенчав чело горы, родит стремительный поток.
Горячих слез моих река причиной той же рождена.
Я, немощами изнурен, бесплотным сделался, как тень,
Меня дорогой протащи – не будет пыль возмущена.
Никто не помнит обо мне, поскольку я, лишенный сил,
Друзьям на помощь не приду: дорога для меня трудна.
И стан мой согнут, словно лук, он сам собой укрыться рад.
Но у стрелка, чье имя «смерть», наметан взгляд, рука верна
Вершин покоя как достичь, как воспарить над бездной бед?
Поломаны мои крыла, мне высота теперь страшна.
Плоды моих былых надежд раскатаны по всей земле,
Камнями сбитые с ветвей и не созревшие сполна.
Освобожденье от плодов древесный распрямляет ствол,
Но пальма тела моего и без плодов наклонена.
Несчастиями истомлен, я опустил главу на грудь,
Не опустила б смерть меча, ведь шея так обнажена.
Слабеют веки у меня, я плачу от любви к друзьям,
Мне вскоре уходить тропой, чья не измерена длина.
В дому печали я сажу, забившись в темный уголок,
Порога мне не одолеть: ослаблен дух и плоть больна.
Я книгу жизни завершу тем, что познал в конце концов;
«Неведома мне суть земли, суть неба для меня темна»,
И черный цвет, и белый цвет – неотличимы для меня,
Сияет солнце ли в лицо или светильник жжет луна.
Жизнь миновала. Что же в ней я совершил? Грехи, грехи...
Склоняюсь ниц перед людьми, душа раскаянья полна.
В ознобе нынче трепещу, одолевает руки дрожь,
Веселья чаша на пиру моим устам не суждена.
Стучится в двери смертный час, как гостя этого приму?
Чем стану потчевать того, кому лишь жизнь моя нужна?
А жизнь с житейского стола немного сладостей взяла,
Хоть и халву держу во рту, горчит отравой слюна.
Прощается со мною жизнь, в своих объятьях жмет и гнет,
Совсем согнула, неужель в меня так сильно влюблена?
Я опасуюсь каждый миг: от хватки яростной ее
Не лопнули бы ремешки, чем к кости кость прикреплена.

При том, что пальцем на ходу считаю, где упал, где встал,
Своим годам я счет веду – вот чем душа изумлена.
Со мною на лугах земли в разладе воздух и вода,
Исы дыханье мне не впрок, вода живая – мне вредна.
Как туча зимняя – дожди, я сожаленья слезы лью;
Перед глазами пронеслась моя далекая весна.
Монеты юности давно я на дорогах растерял,
А нынче под ноги смотрю, да не попалась ни одна.
К стене теперь я льну, как тень, чтоб удержаться на ногах,
Ты послужи опорой мне, не отвергай меня, стена!
Со смехом время унесло дирхемы юности моей,
Взамен игрушку кинув мне, а той игрушке – грош цена.
Из царства радости порой к нам вести добрые летят,
Но глуше ваты седина, заткнула уши мне она.
В стенаньях, тягостным трудом насыщенный добывая хлеб,
Я – точно жалкий муравей, что еле тащит ползерна.
Неблагородная судьба, чтоб обесценить суть мою,
Расколотила камнем бед мой перл, подняв его со дна.
Мой тайный дар, заветный дар вовсю завистники хулят,
Как будто бы порока он изнаночная сторона.
Неся на сердце знаний свет, я станом скрюченным своим
Напоминаю ореол, в котором нам луна видна.
Нить мыслей и забот моих вся в петлях, в путаных узлах.
Распутая ль хотя бы час; до погруженья в сумрак сна?
Склоняюсь над садом бытия, неумолимый небосвод
Сечет мне корни топором, ведь крона уж не зелена.
В чем содержанье, не пойму, не смыслю в форме ничего.
Нет содержания в душе, и взору форма не ясна.
Я на земле так гнусно жил, что, если окажусь в аду,
Меня там станут избегать и грешники, и сатана.
Сад бунта вырастил меня, но время сушит плоть мою,
Чтоб в адском пламени горел я лучше ветки и бревна.
Всевышний кончиком пера украсил лист моей судьбы.
Но говорят лишь о грехах начертанные письма.
Старался смыть потоком слез я страшный текст, а толку что?
Упрямым Всевышним, повесть та им вновь и вновь повторена.
В упорстве этом он всеблаг, не дав полнее проявить,
Сколь мерзок по натуре я, и совесть как моя черна.
И если кто меня убьет за то, что растранил жизнь,
Суд разума произнесет: заслуга это, не вина.
Но если дам костру души я распылаться в полный жар,
Вскипят, взбурлят небеса, их голубая глубина.

Перевод Майи Борисовой